

Солнце ее жизни

Четырнадцать лет жизни рядом с Достоевским и тридцать семь, посвященных его памяти, — так раскололось время для Анны Григорьевны. Я расскажу о том, что связано с этим вторым, большим периодом ее жизни, основываясь на некоторых материалах Пушкинского Дома, в частности на ее письмах к взрослым детям.

Родившись в 1846 году, в год блестящего начала литературной карьеры Достоевского, она вошла в его жизнь в тяжелый час, сразу став незаменимым помощником в работе, его «ангелом-хранителем». После смерти писателя Анна Григорьевна стала деятельнейшим популяризатором произведений своего мужа и свидетелем его растущей мировой известности. По точному определению Леонида Гроссмана, ее жизнь — «образец того трудного и редкого явления, которое зовется деятельной любовью».

В беседе с Гроссманом Анна Григорьевна рассказала о визите к ней молодого композитора Прокофьева. Эта запись названа Гроссманом «глубокой жизненной правдой», и я хотел бы остановиться на истории этой записи подробнее.

В это время Прокофьев сочинял новую оперу «Игрок». Композитор и здесь ушел от канонов, решив использовать оригинальный текст Достоевского, то есть не писать музыкальным квадратом на рифмованное четверостишие. По неизвестным причинам Прокофьев не обратился за разрешением к семье Достоевского, и она вынуждена была заявить протест. В архиве Пушкинского Дома имеется письмо-разрешение Ф. Ф. Достоевского, которому к этому времени Анна Григорьевна передала авторские права. Молодой композитор с честью вышел из щекотливого положения, нанеся визит Анне Григорьевне и передав ей партитуту оперы с дарственной надписью. Захватил он и свой альбом.

Дородная старушка в темном платье, постаромодному в наколке на гладко причесанных седых, собранных в кичку волосах, подошла к столику, где лежал заранее открытый на чистой странице альбом, и опустилась в кресло. Предупрежденная Прокофьевым о том, что в альбом можно писать только на тему о солнце, Анна Григорьевна задумалась, затем, низко склонившись над столиком, вывела своим все еще твердым раз-

борчивым почерком: «Солнце моей жизни — Федор Достоевский» и написала дату: 6 января 1917 г. Поставив точку, она помедлила от нахлынувших воспоминаний и, сняв пенсне, тяжело встала. Лицо ее преобразилось, на нем, вопреки неумолимым чертам старости, отразились гордость и торжественность, а совсем еще молодые глаза ее горели счастьем и энергией. Такой Анна Григорьевна снята за несколько недель до той встречи в московском музее памяти Ф. М. Достоевского... Даже незнакомый попутчик, который ехал с Анной Григорьевной из Москвы и помог ей внести два огромных чемодана в переполненный поезд, отмечает, как загорелись ее глаза и преобразилось лицо, когда в дорожной беседе он отгадал, кто она, и задал вопрос, задаваемый всеми, кто с ней встречался: «Какой человек был Достоевский?» И она отвечала и этому попутчику, и Прокофьеву, и Гроссману так же, как когда-то Толстому: «Это был самый добрый, самый нежный, самый умный и великодушный человек, каких я когда-либо знала». Анна Григорьевна внимательно следила за всеми публикациями произведений Достоевского и попытками их постановок на сцене. Еще при жизни писателя она могла убедиться, что популярность его произведений вызывает попытки дельцов издавать их или использовать его имя в обход авторских прав. Была одна история, о коей поведала Анна Григорьевна критику Эттингеру в 1906 году: «Однажды я получила по почте брошюру, своим внешним видом совершенно напоминавшую «Дневник писателя», оказалось, что это... подделка, издававшаяся в Одессе и находившая себе большой сбыт благодаря полному внешнему сходству. Аналогичный случай был и в Рязани». С самим Эттингером случился некоторый казус, когда он за шестнадцать лет до этого интервью обратился к сонаследнице — Любови Федоровне — за разрешением на переделку романа «Идиот» в комедию для сцены и получил устное разрешение, но от Анны Григорьевны, видимо, последовал решительный отказ, так как Любовь Федоровна в ответ на письмо матери по этому поводу пишет: «Твои подозрения мне очень обидны, и я проплакала всю ночь».

Анна Григорьевна очень надеялась, что дети

будут помогать в ее деятельности. Она говорила: «Еще при жизни Достоевского я начала собирать все его рукописи, все газеты, где помещались его статьи или статьи о нем. Вначале я собирала исключительно для моих детей, мне хотелось, чтобы они имели все то, что связано с памятью об их отце», но вскоре ей пришлось убедиться, что у детей свои интересы. Федор Федорович увлекся лошадьми, а Любовь Федоровна сама начала писать и обратилась к матери за помощью в издании своих книг. Только после похорон матери Федор Федорович едет из Ялты в Москву в надежде заняться изданием книг и работой над рукописями, так как авторские права заканчивались в 1932 году, но вскоре сам умирает. Любовь Федоровна с 1913 года живет за границей и после смерти матери выпускает весьма тенденциозную книжку о своем отце. В этой книжке она пишет: «Моя мать всю жизнь говорила о своем муже как об идеальном человеке и, став вдовой, воспитала своих детей в культуре отца».

Трепетное отношение Анны Григорьевны ко всему, что принадлежало ее мужу, иногда приводило и к печальным утратам: давний друг семьи священник из Старой Руссы отец Иоанн (И. И. Румянцев), бравший иногда строительные подряды, в своем письме мягко упрекает ее за то, что она не дает согласия отремонтировать венец на том основании, что к этим бревнам прикасался Федор Михайлович, и в конце концов дачка заваливается, так что приходится строить новый дом. Весной 1892 года Любовь Федоровна сообщает матери из Старой Руссы, что из-за половодья подмокли сундуки, стоявшие внизу, и она собственноручно выбросила превратившийся в труху чехмодан с некоторыми вещами Федора Михайловича и часть писем. Но многие рукописи и письма Достоевского все-таки дошли до нас — благодаря Анне Григорьевне. Она не только старалась сохранить, но и собирала его письма по всей России; не только сохранила и собрала, но и создала рукотворный памятник к двадцатипятилетию со дня смерти писателя — уникальный «Библиографический справочник-указатель». Тарле, получив в дар экземпляр указателя, пишет в ответ: «Это памятник не только великому человеку, но и любви, которой он был окружен с Вашей стороны». Любовь превратила молоденькую девушку с новеньким портфелем, впервые переступившую порог дома уже известного тогда писателя, в счастливую женщину, деятельного помощника в его работе и неутомимого борца за его благополучие. При этом Анна Григорьевна нисколько не подлаживалась к тяжелому характеру мужа, оставаясь самой собою. Эта независимость, правильно взятая ею с первого дня их встречи, была оценена Достоевским, и вскоре он уже не мог представить себя без «милрой Анечки». «Она за ним, как

нянюшка, как самая заботливая мать ходила,— вспоминает Стоюнина,— бывало, соберет его, перед уходом куда, Анна Григорьевна хлопочет это возле него, все ему подаст, наконец уйдет. Вдруг сильный звонок (драматический). Открываем: «Анна Григорьевна! Платок, носовой платок забыла дать!» Все трагедия, все трагедия из всего у них. Ну, она мечется, пока все ему не сделает. Она была полной его противоположностью, веселая такая, чуть, бывало, на улицу выйдет — уж целый короб новостей и ворох смеху принесет. Хохотушкой она долго была».

Всю жизнь непритязательная и скромная, Анна Григорьевна, однако, сознавала свое положение. Она пишет дочери из-за границы: «Хозяин гостиницы, узнав от своей литературной жены, что я вдова знаменитого литератора, называет меня «мадам Толстой». Я не протестую. Хотел меня познакомиться с каким-то английским литератором, но я не захотела знакомиться с подобными сошками, а с Шекспиром он познакомиться меня не мог». Через десять лет на бестактный вопрос газетчика, почему она второй раз не вышла замуж, Анна Григорьевна со свойственным ей в таких случаях юмором ответила: «Да за кого можно идти после Достоевского? — разве за Толстого!» Первая ее встреча со Львом Николаевичем произошла в счастливые для нее дни 1889 года, когда было принято решение выделить ей помещение в Историческом музее для организации музея памяти Ф. М. Достоевского (так она решила его назвать). Она пишет из Москвы сыну: «Благодарю тебя, мой милый Федичка, за твое письмо. Так и быть, утешу вас, возвращусь домой, хоть здесь мне и хорошо. Подумать, что вот уже пять дней, как я ни разу не сердилась. У меня по ночам на столе мыши хозяйничали и грызли баранки, да и то не рассердили меня. Мне для коллекции отвели целую башню, и я теперь очень занята мыслью, как мне лучше и художественнее расставить и разместить все собранное. В четверг была у Толстых, и граф Лев Николаевич, хоть и болен, а захотел меня видеть. Был ко мне донельзя добр и нежен, и совсем меня обворожил. Все эти дни я аккуратно ходила к обедне, вечерами к всенощной, а в промежутках бывала в Музее». Анна Григорьевна имела возможность и вторично увидеть Льва Толстого. Она пишет в 1901 году из Ялты: «Съездила в Дюльберг. Прелестное местечко. Была в ста саженьях от дома Паниной, где живут Толстые, но к ним не зашла, и вот почему: г-жа Фортунато, узнав, что я знакома с Толстым, начала меня упрашивать, чтоб я ее взяла и представила им. Тогда я объявила, что совсем не поеду». Видимо, Анна Григорьевна взяла за принцип не делить ни с кем посещений знаменитых писателей...

Почти каждый год Анна Григорьевна выез-

жала за границу на воды. К этому она добавляла и обязательное путешествие по новым для нее городам и странам Европы и всегда начинала свое знакомство с ними посещениями книжных магазинов, чтобы узнать, какие произведения Достоевского и кем были изданы. Возвращалась она в Россию с громадным багажом купленных книг, безделушек, до которых была большая охотница, и подарков для детей — «лошадиных» для Феди и артистических для Любы. На обратном пути она неизменно навещалась в Дрезден, где заходила в свою любимую галерею и предавалась воспоминаниям. «Если бы только ты знала,— пишет Анна Григорьевна дочери,— как я была счастлива. Я обошла все улицы и переулки, где когда-либо была с Федором Михайловичем, обедала на Брюлевой террасе над Эльбой и даже ела ту же голубую форель и пила пиво, которое мы здесь пили когда-то с папой. Воспоминания так нахлынули на меня, и хоть мне было и грустно, но я была счастлива». И с горечью продолжает: «Но представь себе: на Брюлевой террасе вместо прежнего небольшого старинного дворца Брюля строится громадное здание неизвестного стиля, которое совсем задуло террасу. Так мне жаль стало прежнего столь характерного дворца и милой кофейни, где мы прежде с Федором Михайловичем приходили посидеть и выпить чашку кофе или съесть мороженое!..» Верная своей клятве, она и в Дрездене не дает себе полного отдыха: «Я могу тебе похвалиться работой: я прочла здесь 15 листов корректур, и один том совершенно готов. Принялась за другой. Только представь себе, какая обида: от вод ли или от усталости, но у меня глаза ослабели, и я читаю через лупу, иначе не могу». В этом же письме приписка на полях: «Хочу воспользоваться розовым настроением и купить себе шляпу; есть две удивительные шляпы: одна светло-голубая с зеленым пером, другая желтая с красным. Посоветуй, которую выбрать. Если можешь, даже телеграфируй, а то многие старушки моих лет на эти шляпы заглядываются и как раз у меня перебьют». «Старушке» Анне Григорьевне в ту пору исполнилось сорок пять. Тут уже другая Анна Григорьевна, не та, что отказывалась когда-то от необходимого ей пальто, дабы купить мужу новую шляпу, когда Федор Михайлович не знал, на что и пенять в мучениях над статьей о Белинском. Тогда действительно дело оказалось в шляпе: Достоевский, поразившись, как вспоминает Анна Григорьевна, три дня в новой шляпе перед зеркалом, за две недели диктовал статью и отослал в Россию.

Подвижная и любознательная Анна Григорьевна объездила всю Европу. В то время в России продавались специальные туристические билеты, и по ним можно было побывать во многих странах, но по опреде-

ленному маршруту и в определенный срок. Верная своей привычке экономить, Анна Григорьевна брала самый дешевый билет, так называемый «галопом по Европам», но всегда была недовольна тем, что по этому билету можно было задерживаться в каждом городе не более двух суток. Не довольствуясь обычными маршрутами, она старалась посетить и экзотические для русских туристов края. «Пишу тебе, чтобы доказать, что я побывала в Амстердаме; а то ты, пожалуй, и не поверишь,— пишет Анна Григорьевна дочери в Руссу,— наконец, я попала в Голландию, но, увы! она красива и оригинальна лишь на картинках... Представь себе, что почти все папины произведения переведены на голландский язык, но все распроданы, хотя некоторые выдержали по два или три издания. Книги здесь очень дороги». В своей издательской деятельности Анна Григорьевна прежде всего ставила задачу максимально популяризировать Достоевского во всех слоях населения России. Она одна из первых стала выпускать отдельные его произведения в виде дешевых десятикопеечных брошюр, чтобы всякий имел возможность покупать их. В ее рекламных листках, как она называла, «циркулярах», рассылавшихся во все уголки страны, в первой строке было напечатано: «Желая сделать общедоступными издаваемые мною сочинения Ф. М. Достоевского, я решаюсь предложить...» С 1881 по 1907 год Анна Григорьевна предприняла издание семи полных собраний сочинений Достоевского, причем третье разошлось беспрецедентным по тому времени двенадцатитысячным тиражом. Всю подготовку Анна Григорьевна осуществляла единолично, сама держала и корректуру. Както на вопрос интервьюера, почему она не имеет помощника в своей работе, Анна Григорьевна ответила, что трудно найти хорошего помощника, так как нужно отлично знать материал. «Я, например, беру лист рукописи и с третьей строки вижу, что он принадлежит к такому-то месту романа «Бесы». Все издания быстро и полностью расходились.

Только ухудшение здоровья и решение заняться своими воспоминаниями заставили Анну Григорьевну 1 сентября 1911 года продать свои издательские права. Как всякое частное предпринимательство, издание книг носило коммерческий характер и, естественно, было сопряжено с определенным риском, хотя и принесло ей прибыль свыше полутора миллиона рублей. В газетах появились сообщения о «баснословном богатстве» вдовы писателя. Слухи, как говорится, оказались несколько преувеличенными. Во-первых, поступающий доход делился между тремя наследниками. Во-вторых, в кругленькую сумму (примерно сто пятьдесят тысяч) обошлись постройка, содержание, а затем и перестройка после пожара школы имени До-

стоевского в Старой Руссе. К этому надо добавить многочисленные крупные взносы на благотворительные цели (голодающим, пострадавшим в японской и первой мировой войнах). Анна Григорьевна почти ничего не тратила на себя, выполняя завещание Федора Михайловича обеспечить детей: ни тот, ни другой всю жизнь не имели гарантированного заработка. Покупки дач в Ялте и Адлере имели целью обеспечить ее собственную старость и дать отраду внукам.

Когда в 1913 году Любовь Федоровна обнаружила у себя опасную болезнь и прислала из Парижа письмо матери в Берлин с просьбой о ста марках для поездки в Петербург на операцию, Анна Григорьевна отвечала: «Ты меня привела в отчаяние своим требованием присылки еще денег. Это было у меня отложено на билет, так как я рассчитывала двинуться отсюда в Россию. Теперь посылаю тебе их письмом. Мне чрезвычайно неприятно и боязно совсем остаться без денег здесь». Тревога оказалась ложной, операция не состоялась, и Люба рвется обратно в Париж. Мать, сидящая все так же без денег в Берлине, умоляет ее подождать в Петербурге или хотя бы сообщить, когда та будет проезжать Берлин, чтобы встретиться на перроне. Анну Григорьевну выручает племянник — Андрей Андреевич Достоевский, выславший ей сто рублей на дорогу. «Благодарю Вас за присылку 100 руб., которые я получила. Они избавили меня от большого беспокойства. Чудесный Вы человек и истинный наш друг!»

Об Андрее Андреевиче хочется сказать особо. Еще Федор Михайлович писал брату, что старшие дети Андрея Михайловича — пример для его собственных. Андрей Андреевич с молодости отличался большой порядочностью и был весьма рассудителен. Получив высшее образование, он примерно продвигался по службе в статистическом управлении и к 1913 году был уже действительным статским советником. Анна Григорьевна любила его и доверяла ему свои дела при отъездах за границу. Он отвечал взаимностью и с большим желанием помогал во всем: «Пожалуйста, глубокоуважаемая Анна Григорьевна, не думайте, что меня Ваши поручения затрудняют, и приказывайте, что Вам угодно, буду с удовольствием исполнять по мере способности». Ему, холостяку, она поручает деликатное дело — присматривать и положительно влиять на Любовь Федоровну. Андрей Андреевич был душеприказчиком всех трех завещаний Анны Григорьевны. Очень печальное ее письмо в год окончательного разрыва с дочерью и резкого ухудшения здоровья было адресовано именно ему. Андрей Андреевич старается поддержать ее: «Не порадовали меня Ваши грустные строчки о ваших годах. Дорогая Анна Григорьевна, Вы просто устали, переутомились, и я уверен, что спокойное пребывание в Сестрорецке

с поездками изредка к внукам скоро восстановят Ваш бодрый дух, который так полезно-заразительно действует на всех Вас окружающих и на меня в том числе». Любимого внука Анны Григорьевны, своего тезку, он приютил в конце 20-х годов у себя в Ленинграде. А какой добротой звучит его «ругательное письмо» Анне Григорьевне, когда он узнал, что та с коробками в руках упала при выходе из трамвая: «Анна Григорьевна! Да разве можно ездить в трамах с коробками, да еще в такой тесноте, какая обычно бывает в вагонах! В конце концов извозчики все-таки обойдутся дешевле, так как на лечение не надо тратиться, да что деньги — стоит ли из-за какого-то глупого трама подвергаться опасности упасть! Простите за простоту разговора, но все-таки, дорогая Анна Григорьевна, не ездите на трамах».

Анна Григорьевна пережила четырех царей, вступила в новый век, была современницей трех революций, в ее квартире появились электричество и телефон, она уже ездила в авто и на трамвае, а в Будапеште прокатилась на метро: «Сегодня я собралась под землю, то есть хочу прокатиться по подземной железной дороге». Ее внуки, Федя и Андрей, которых она очень любила и обязательно по приезде из Сестрорецка посвящала им вечер сказок и разных историй, бежали в апреле 1917 года с няней ко дворцу Кшесинской смотреть Ленина...

Анна Григорьевна уехала с внуками и невесткой из голодного Петрограда весной 1917 года в Адлер, а затем одна переехала в знакомую ей Ялту. Поселиться в своем домике она не могла: накануне в нем произошло убийство, и кровь несчастных жертв попала на бюст Достоевского. Она одиноко живет в гостинице «Франция». По временам, когда нескончаемые приступы лихорадки оставляют ее, она пытается продолжать работать с картотекой. Начались немецкая оккупация Крыма и ночные бомбардировки города с моря. Невестка Екатерина Петровна с внуками рядом, в Симферополе, но не может к ней выехать. Летом 1918 года наступает голод. «Однажды, — вспоминает Екатерина Петровна, — Анне Григорьевне достали два фунта свежего хлеба, она съедает его сразу. Начался тяжелый приступ колита. За три дня до смерти она теряет сознание, и 21 июня 1918 года Анны Григорьевны Достоевской не стало».

«Я отдала себя Федору Михайловичу, когда мне было 20 лет. Теперь мне за 70, а все еще только ему принадлежу, каждой мыслью, каждым поступком памяти его принадлежу, его работе, его детям, его внукам».

В конце 60-х годов Андрей Федорович, выполняя последнее желание бабушки, перевозит ее прах в Александро-Невскую лавру. Он сказал на ее могиле: «Ее жизнь — это подвиг во славу русской литературы».